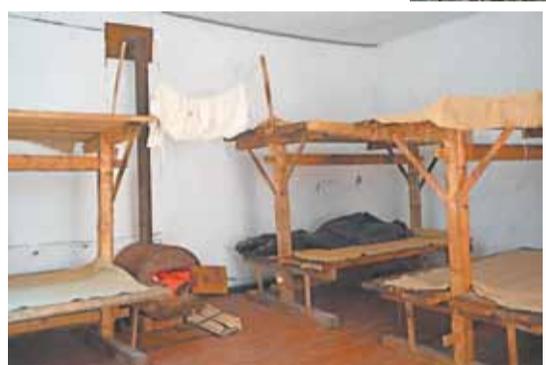

Это уже восьмая Всероссийская научная конференция, посвященная сложным этапам истории нашей страны, которую проводят в регионе. Соорганизатором вместе с музеем-заповедником истории политических репрессий «Пермь-36» в этом году стал и Санкт-Петербургский институт истории (СПИИ) РАН, партнером – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ).

«Две России посмотрели друг другу в глаза»

Конференция проходила в недавно обновленных по самым последним стандартам обучения

помещениях педуниверситета Перми.

С каждым годом становится все больше участников, – рассказывает **Наталья Семакова**, директор музея-заповедника «Пермь-36», который давно уже считается одним из сильных центров изучения отечественной истории советского периода. – В этом году среди докладчиков историки, архивисты, культурологи, религиоведы, музейные работники, литературоведы, социологи, философы из 15 субъектов России. Заявок было так много, что пришлось разделить конференцию на 4 секции.

Идейственно, было непросто выбрать, куда отправиться – настолько много интересных тем.

Например, потрясающий доклад преподавателя педуниверситета Анатолия Голдобина и магистранта Полины Хаяровой из Перми о том, как после смерти Сталина изменилась жизнь спецпоселенцев на примере конкретного спецпоселка – Сергеевский. Причем картина выстроена на основе свидетельств самих переселенцев.

Не менее интересным было и выступление профессора Вологодского института права и экономики ФСИН Александра Кузьминых о том, как менялась преступность в одном из городов Вологодчины с 1950-х по 1980-е, то есть после «бериевской амнистии» и до позднего социализма.

Не подвели и начинающие историки. Так, пермские студенты и аспирантка из Санкт-Петербурга затронули тему советских учебников. В первом случае скрупулезно исследовали, как отражалась деятельность Сталина в учебниках после его смерти. Во втором – как смешанные комиссии решали, какой должна предстать история страны для школьников.

Тема одной из сессий была

Как выглядел быт и жизнь заключенных того времени, прекрасно иллюстрирует музей-заповедник «Пермь-36»

фото: Анна Костарева, Елена Скворцова

Большая перемена

В Перми обсуждали, как и что менялось в общественном сознании граждан СССР после смерти Сталина

«Советское общество: идеология и инакомыслие». И одна из участниц конференции очень точно выразила суть прозвучавших на ней докладов: «Две России встретились и посмотрели в глаза друг другу – та, которая сидела, и та, которая сажала».

Были еще доклады о состоянии РПЦ в период «хрущевских» гонений, о литературе и искусстве, об иностранных туристах в СССР и наоборот, поездках советских граждан за рубеж, о переосмыслении идеалов и переоценке ценностей после смерти Сталина... Картина происходивших в СССР в то время процессов выглядела невероятно объемной.

ГУЛАГ не пережил реформ

– Смерть Сталина можно считать началом ликвидации ГУЛАГа, несмотря на то, что он продолжал функционировать до 1960-х, – так начала выступление на конференции научный сотрудник истфака МГУ **Екатерина Воробьева**. Она рассказала о попытках реформировать систему и о том, к чему они привели.

По словам историка, после амнистии 1953-го на свободу вышли примерно 1,2 млн человек (соответственно закрылось огромное количество лагерей – из 175 их осталось 49). Но политзаключенных амнистия практически не коснулась. На свободу были отпущены в основном осужденные по уголовным статьям с небольшими сроками.

– Если на январь 1953-го доля таких заключенных была 31%, то к январю 1954-го их осталось лишь 19%, – говорит Воробьева. – Оставшиеся в лагерях – это либо осужденные по «контрре-

волюционным» статьям (порядка 35%), либо за особо опасные преступления – разбой, бандитизм и т.д. Этим людям уже нечего терять: они осознавали, что сидеть им по 15 и больше лет, следовательно, не рассчитывали когда-либо выйти. Поэтому были достаточно радикально настроены.

В итоге в ГУЛАГе увеличилось количество неповиновений – отказы от работы и т.д. У заключенных стали появляться уже не только экономические, но и политические требования. Начались массовые протесты и восстания. В некоторых местах это заканчивалось вводом в лагерь войск и даже танков.

Но и власть стала по-новому реагировать на происходящее в ГУЛАГе. Так, в архиве я нашла письмо и.о. главы Минюста, где он пишет, что возникновению беспорядков способствовали неправильные действия отдельных работников лагерей, допускающих в отношении заключенных незаконные действия. Признание ошибок и диалог с заключенными было невозможно представить до 1953-го, – продолжает историк.

Какие же реформы предлагал и.о. министра? Некоторые Воробьева перечислила:

– Например, смягчить уголовное наказание. Несмотря на амнистию, руководство считало, что ГУЛАГ все еще переполнен (там осталось 1,3 млн человек). Также запретили содержать больше 2000 заключенных в одном лагере – их трудно контролировать, для этого нужно огромное количество персонала и охраны, к тому же сложно обеспечить всех заключенных работой на близлежащих объектах, чтобы избежать ежедневного многочасового перемещения групп заключен-

ных под конвоем. Дальше. Если раньше ГУЛАГ представлял собой не только структуру наказания, но и во многом выполнял экономические функции, то в 1950-е от этого стали отходить. Кроме того, заговорили о смягчении режима для бывших военнопленных, интернированных и осужденных военным трибуналом. Предлагаете, прошло 10 лет после войны, и руководству наконец пришла мысль о том, что эти люди все-таки могут получать посылки, пользоваться лагерными магазинами, вести переписку...

Очень важный документ – Указ об упразднении Особого совещания. За ним последовал пересмотр дел всех осужденных ОСО (а это период с 1934-го по 1954-й), некоторые были реабилитированы. Кроме того, были смягчены паспортные ограничения. Огромный список городов, где имеющие судимость не имели права жить, в ходе реформ 1950-х сжимался до Москвы и области, Ленинграда, Севастополя, Владивостока и Кронштадта.

Впервые за все время существования ГУЛАГа была организована его фронтальная проверка, которая высветила огромное количество проблем.

Несмотря на серьезное реформирование лагерной системы, начатое в 1953-м, глава МВД в докладной записке в ЦК в 1956-м отмечает: положение дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях много лет остается неблагоприятным. Он считает, что следует признать нецелесообразным дальнейшее их существование и до 1958-го упразднить, оставив только колонии и тюрьмы. Несмотря на наличие некоторого сопротивления и других точек зрения, процесс был уже необратим. И в 1960-м все же принимается ре-

шение об упразднении ГУЛАГа как главка. Можно сказать, что процесс разрастания ГУЛАГа до огромных размеров, подкрепляемый передачей ему всех крупных строительных заданий, до 1953-го базировался во многом на личности Сталина. И именно его смерть запустила процесс ликвидации этого монстра, – заключает Воробьева.

Закрытый социальный срез

Доклад замдиректора СПИИ РАН д. и. н. **Юлии Кантор** был посвящен анализу общественных настроений в Москве и Ленинграде в начале марта 1953-го, то есть – реакции на болезнь и смерть И. В. Сталина, зафиксированной в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России.

– Реакция простых людей, представителей различных групп населения и социальных страт на смерть Сталина представляет существенный интерес для исследователя социальной истории, – уверена Кантор, – и она изучена достаточно фрагментарно.

Собственно, этот пробел и будет в известной мере заполнен благодаря ее исследованию.

– Объем рассекреченных документов очень большой: это «срезы» общественных настроений всего СССР, – продолжает Кантор. – Мне еще долго предстоит их изучать. А начала я с двух крупнейших городов страны, что и представила в докладе. Есть интереснейшая информация о том, как люди искали связь между смертью Сталина и печально известным «делом врачей» – в материалах отражен всплеск антисемитских настроений: многие полагали, что смерть

вождя – дело рук «убийц в белых халатах». Сводки фиксировали и внешнеполитические прогнозы граждан – многие опасались, что начнется война, и главным врагом называли США. Очень

тревожило людей, будет ли сохранена верность сталинскому курсу. И судя по материалам, большинство, узнав состав «коллективного руководства», было уверено, что – да. Разумеется, в документах уделяется пристальное внимание и нетипичным высказываниям – «антисоветским», «клеветническим». И их авторы, это тоже видно по документам, как говорится, «брались на карандаш». Становится очевидно, насколько тщательно на местах анализировалась поступающая информация и насколько те выжимки, которые попадали в центр, отражали подлинные настроения граждан.

/Елена Скворцова.

Екатерина Воробьева

Юлия Кантор